

Археологические вести

— 27 —

Archaeological news

27
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

27
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова, академик РАН В. Л. Янин

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. А. Пескова, доктор исторических наук Е. А. Рыбина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 27 / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 446 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск «Археологических вестей» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. В серии работ, входящих в раздел «Новые открытия и исследования», рассматриваются отдельные категории археологических древностей от каменного века до нового времени, также вводятся в научный оборот материалы палеолитического нахождения Ункей (Нукутский район, Иркутская область) и анализируются контакты населения самбийско-натагийской культуры со Средним Дунаем в гуннское и постгуннское время. В специальный раздел включены статьи по актуальным проблемам археологии эпохи бронзы и раннего железа Кавказа, а также работа по интерпретации камерных погребений в Пскове второй половины X в. Кроме того в журнале представлены работы по истории и организации науки. Среди авторов — ученые из различных городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Новосибирска, Владикавказа), Украины (Одессы) и Франции (Парижа).

The present issue of «Arkheologicheskie vesti» (Archaeological News) includes articles concerned with the most recent researches in the sphere of archaeology, history and culture. The series of works comprised in the section “New discoveries and researches” considers particular categories of archaeological antiquities dated from the Stone Age to the modern period; in particular, materials from the Palaeolithic site of Unkey (Nukut district, Irkutsk Oblast) are published and contacts between the population of the Sambia-Natangia culture and the Middle Danubian region during the Hun and post-Hun time are analysed. A special section includes papers on the current problems of archaeology of the Bronze Age and the Early Iron Age in the Caucasus, as well as a study on the interpretation of stone burials in Pskov of the second half of the 10th century. In addition, the yearbook presents works on the history and organization of the archaeological science. The authors are scholars from different research centres of Russia (Moscow, St. Petersburg, Irkutsk, Novosibirsk, Vladikavkaz), Ukraine (Odessa) and France (Paris).

Первая страница обложки — Пенджикент. Расписная керамика (к статье Ф. Ш. Аминова)
First page of cover — Panjakent. Painted pottery (article by F. Sh. Aminov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Западноевропейские бытовые предметы из раскопок в Новгороде

Д. С. Сержникова¹

Аннотация. Статья посвящена западноевропейским предметам второй половины XII — первой половины XV в., которые использовались в быту жителями древнего Новгорода и были найдены в ходе археологических изысканий. В работе ставится цель выявить импортные бытовые предметы, ввезенные ганзейскими купцами, ранее неатрибутированные исследователями, найти им аналогии на территории Западной Европы и ввести их в научный оборот.

Annotation. The article is devoted to the Western European artifacts of the second half of the XII — the first half of the XV century, which were found during archaeological research. The purpose of the work is to identify imported household items that were previously attributed to researchers and find them in scientific circulation.

Ключевые слова: Великий Новгород, Западная Европа, импорт, бытовые предметы.

Keywords: Veliky Novgorod, Western Europe, import, household items

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-194-202

Бытовые предметы являются одной из основных категорий в вещевой коллекции, собранной при раскопках Великого Новгорода. Это и деревянная посуда, и ножи, и замки с ключами, различные инструменты, применяемые в домашнем хозяйстве, косметические аксессуары. Кроме того встречаются и предметы, скрашивающие досуг, — элементы настольных игр.

Среди огромного количества находок этой категории представлены и вещи западноевропейского происхождения. Их наибольшее количество было найдено на Готском раскопе, где они являются свидетельствами повседневной жизни ганзейских купцов.

Большинство западноевропейских вещей, использовавшихся древними новгородцами,

уже атрибутированы, описаны и опубликованы. М. В. Седова выделила фрагменты западноевропейских водолеев (Седова, 1981. С. 170, рис. 63, 12 и 70, 5). Е. А. Рыбина атрибутировала западноевропейские оправы для зеркал (Крюгер, Рыбина, 2013. С. 193–195), рукояти ножей (Рыбина, 1990. Р. 303–308), деревянные подсвечники, игральные кубики, шахматы, керамику и многое другое (Рыбина, 2009. С. 204). Т. С. Варфоломеева подробно описала импортные кожаные коробочки для цер и ножны (Варфоломеева, 1995. С. 192–202). А. А. Кудрявцев обратил внимание на несколько новгородских ключей от нутряных замков, предназначенных для ларцов и сундуков, аналоги таким ключам встречаются в западноевропейских городах (Кудрявцев, 2012. С. 121–122). В. П. Даркевич опубликовал некоторые уникальные предметы, такие как утраченная итальянская лжица XIII в. и коస్తяная накладка с Неревского раскопа, сюжет

¹ Кафедра археологии, Исторический факультет МГУ им. Ломоносова; Ломоносовский пр., 27, кор. 4, г. Москва, 119192, Россия; E-mail: Serezhnikova@yandex.ru.

которой известен по готическим романам средневековья (*Даркевич*, 1965. С. 245–249; 1966).

В статье речь пойдет о ранее неатрибутированных или же неопубликованных западноевропейских находках, которые были обнаружены за пределами Готского раскопа на усадьбах новгородцев.

Хронологические рамки исследования ограничиваются 1191–1192 гг., временем заключения торгового договора общиной немецких купцов с новгородцами, и первой половиной XV в., когда новгородско-ганзейские отношения пришли в упадок.

Детали осветительных приборов. Фонари (3 экз.). На территории Европы в течение XIII–XV вв. для освещения использовались металлические фонари, в которые вставлялась свеча. Они представляли собой цилиндр из листа металла высотой 10–30 см с окошком для свечи и отверстиями, сверху закрывавшийся крышкой, для переноски к цилиндру была приделана ручка либо для подвеса к крышке крепилась петля.

Значительный интерес представляют ранее неатрибутированные фрагменты подобных свечных фонарей, найденные в Великом Новгороде. Эти предметы уникальны не только для Новгорода, но и для Древней Руси в целом. На сегодняшний день аналогов новгородским фонарям на территории Восточной Европы не выявлено.

В новгородской археологической коллекции присутствуют три круглые крышки от фонарей, все они сделаны из металлических сплавов на основе меди. Одна из них диаметром 4,5 см найдена на Неревском раскопе в слое 1382–1409 гг. В центре этой крышки расположена железная петля, к которой крепилась цепь для подвешивания. Еще одна крышка диаметром 8 см является случайной находкой (рис. 1, 1). Абсолютно такая же крышка найдена в Лондоне в слое 1270–1350 гг. (*Egan*, 2010. P. 172) (рис. 1, 3, 4). Третья крышка диаметром 9 см с петлей для подвеса найдена в слое XIV в. также на Неревском раскопе (рис. 1, 2).

В европейской средневековой живописи подобные фонари часто изображались

в евангельских сюжетах, прежде всего в сцене ареста Христа в Гефсиманском саду. Средневековые художники отображали в своих произведениях знакомые им повседневные реалии, и неудивительно, что фонарь — обязательный атрибут ночного сторожа, следившего за порядком в спящем городе, нашел свое место в искусстве. Должность ночного сторожа существовала и в Новгороде, его обязанности были сходными с обязанностями его западных коллег, не исключено, что в богатых усадьбах стражу несли слуги бояр и купцов, особенно в беспокойное время внутригородских усобиц и конфликтов. По-видимому, актуальность фонаря в новгородском контексте обуславливалась еще и его относительной пожарной безопасностью по сравнению с факелами. Также есть вероятность, что крышки от фонарей были завезены из Западной Европы в виде металлического сырья.

Подсвечник из медного сплава. Фрагмент бронзового литого подсвечника, представляющего собой руку, держащую факел, найден на Неревском раскопе в слое начала XIII в. (рис. 1, 7). Подсвечники в виде фигуры человека, держащего в руках свечу, в Европе встречаются повсеместно. Например, в кафедральном соборе в Эрфурте находится известный светильник Вольфрама (100 см в высоту) в виде фигуры человека, руки которого широко разведены в стороны, в каждой он держит по свече. Датируется он 1160 г. (*Нессельштраус*, 1964. С. 205). Три аналогичных подсвечника, сделанных в Нидерландах, хранятся в музее Метрополитен (Metropolitan Museum of Art. Acc. No 64.101.1535; 64.101.1534; 41.100.130) (рис. 1, 5). Два из них, 30 см в высоту, созданы голландским мастером Аертом ван Трихтом в конце XIV в., третий высотой 16 см датируется XIII в., автор неизвестен. Еще один подобный подсвечник XIV в., также произведенный в Нидерландах, есть в коллекции Музея декоративного искусства г. Кельна (Kunstgewerbemuseum, Acc. No RBA081 84) (рис. 1, 6).

Ручки сосудов для воды (2 экз.). Характерной чертой многих средневековых европейских водоев, а также кувшинов является

ручка, один конец которой оформлен в виде головы дракона. Водолеи с такой ручкой известны в коллекции музея Метрополитен, например, акваманил XIII в. из Леона (Metropolitan Museum of Art. Acc. No 47.101.52), водолеи из Нижней Саксонии (Metropolitan Museum of Art. Acc. No 64.101.1490; 10.37.2.), которые датируются первой половиной XIII в. (рис. 1, 10) и рубежом XIII–XIV вв., водолеи первой половины XV в. из Нюрнберга (Metropolitan Museum of Art. Acc. No 52.24.2; 64.101.1493). Также в коллекции этого же

музея присутствует кувшин XV в. с ручкой в виде дракона нюрнбергского производства (Metropolitan Museum of Art. Acc. No 53.20.1). В Художественном музее Цвингер в Дрездене хранится кувшин рубежа XIV–XV вв. с ручкой в виде дракона (Zwinger kunstmuseum, Acc. No 132.686).

В Новгороде на Троицком раскопе в слое второй половины XII в. были найдены две подобные ручки от бронзовых кувшинов или водолеев с зооморфными украшениями (рис. 1, 8, 9). Они увенчаны фигурками сидящих

Рис. 1. Западноевропейские бытовые предметы из раскопок в Новгороде: 1–4 — крышки фонарей: 1, 2 — Новгород, XIV в., 3, 4 — Лондон, XIII–XIV вв. (фото и реконструкция: Egan, 1998. Р. 162); 5–7 — подсвечники: 5–6 — Нидерланды, XIV в. (фото: музей Метрополитен, Музей декоративного искусства г. Кёльна); 7 — Новгород, XIII в.; 8–10 — фрагменты сосудов для воды: 8, 9 — ручки сосудов для воды, Новгород, вторая половина XII в., 10 — акваманил Нижняя Саксония, XIII в. (фото: музей Метрополитен); 11–13 — фрагменты ложек: 11 — Новгород, XIV в., 12, 13 — Лондон, XIV в. (фото: Egan, 1998. Р. 248); 14–16 — копоушки: 14 — Новгород, XV в., 15, 16 — Лондон, XIV–XV вв. (фото: Egan, 1998. Р. 248); 17–19 — накладки: 17 — Новгород, XIV в., 18 — Великобритания, XIII в. (фото: Somerset County Council), 19 — Новгород, XIII в.; 20–24 — предметы и детали кожаных предметов: 20 — Новгород, XIV в., 21 — чехол, Нидерланды, XIV в. (рисунки: Goubitz, 2007. Р. 97), 22–23 — Новгород, XIV в., 24 — Вильно, XIV в. 8–10 — без масштаба. 1–18 — металл; 19 — кость; 20–24 — кожа

Fig. 1. West-European everyday domestic objects from excavations in Novgorod: 1–4 — lids of lanterns: 1, 2 — Novgorod, 14th cen., 3, 4 — London, 13th–14th cen. (photo and reconstruction: Egan, 1998. P. 162); 5–7 — candlesticks: 5–6 — Netherlands, 14th cen. (photo: The Metropolitan Museum of Art, Museum für Angewandte Kunst Köln, 7 — Novgorod, 13th cen.; 8–10 — fragments of water jars: 8, 9 — handles of water jars, Novgorod, second half of the 12th cen., 10 — aquamanile, Lower Saxony, 13th cen. (photo: The Metropolitan Museum of Art); 11–13 — fragments of spoons: 11 — Novgorod, 14th cen., 12, 13 — London, 14th cen. (photo: Egan, 1998. P. 248); 14–16 — earspoons: 14 — Novgorod, 15th cen., 15, 16 — London, 14th–15th cen. (photo: Egan, 1998. P. 248); 17–19 — mounts: 17 — Novgorod, 14th cen., 18 — Great Britain, 13th cen. (photo: Somerset County Council), 19 — Novgorod, 13th cen.; 20–24 — leather objects and parts: 20 — Novgorod, 14th cen.; 21 — cover, Netherlands, 14th cen. (drawing: Goubitz, 2007. P. 97), 22–23 — Novgorod, 14th cen., 24 — Vilno, 14th cen. 8–10 — without scale. 1–18 — metal; 19 — bone; 20–24 — leather

собак, несломанный конец обеих ручек украшен стилизованной головкой дракона. Оба фрагмента имеют также небольшой выступ в центральной части, для большого пальца. Одна из ручек проработана достаточно тонко и отличается хорошей детализировкой. Фигурка собаки весьма реалистична: перед нами плотно сбитое мускулистое тело, голова с короткой мордой и закругленными ушами, на шее собаки широкий ошейник. Подобные ошейники известны не только благодаря изобразительным источникам, но и по вещевому материалу с территории Нидерландов (Willemsen, Ernst, 2012. Р. 69–77). Декор второй ручки более простой, фигура собаки довольно схематична, впрочем, видимо, имеет место и сильный износ, многие детали довольно потертые. Изображенная в лежачем положении собака очень похожа на современных подружейных собак вроде спаниеля. Голова животного изящно повернута назад, по бокам едва читаются вислые уши, а сзади небольшой хвост. Миниатюра собаки часто присутствует на западноевропейских акваманилах, например, у двух водолеев из Германии, датированных XV в., кран украшен

подобными фигурками (Metropolitan Museum of Art, Acc. No 47.101.56, a, b; 47.10.53). Образ собаки часто встречается в европейском средневековом искусстве, и не только в сценах на охотничьи сюжеты. В средние века закрепляется образ собаки как символ верности, преданности и отваги — качеств, столь ценимых в феодальном обществе.

Фрагмент трехногого котла. Среди случайных находок в коллекции НГОМЗ имеется ножка от трехногого сосуда, выполненная в форме довольно массивной звериной лапы. Аналогичные ножки в виде лап известны в материалах средневекового Лондона (Egan, 2010. Р. 460). Бронзовые, а позднее и железные литые котелки на трех ножках были широко распространены в Европе с XIII в., их форма была настолько популярна и универсальна, что они продолжали бытовать и в новое время, а некоторые компании продолжают выпускать их до сих пор.

Ложка. В коллекции НГОМЗ хранится фрагмент ложки, отлитой из свинцово-оловянистого сплава (рис. 1, 11). Это квадратный в сечении стержень длиной 7,5 см. По всей длине стержень украшен частыми насечками.

Один из его концов выполнен в виде фигуры человека, М. В. Седова описала его так: «Человек стоит в полный рост, подбоченившись, на нем одежда (рубаша) до колен. Лицо человека овальное, усатое, с большими выпуклыми глазами. Вероятнее всего, изображен древнерусский языческий бог Перун. Предмет датируется 30–60 гг. XII в.» (Седова, 1981. С. 175). Функциональное назначение самого предмета до настоящего времени оставалось неясным.

На территории Великобритании встречается множество подобных стержней, украшенных антропоморфной фигурой (North Lincolnshire Museum, Acc. No SOM-7C42D7; SOM-A45D85). Подобные находки идентифицируются как черенки ложек. Также в коллекциях мировых музеев можно увидеть сохранившиеся ложки с антропоморфными навершиями (Metropolitan Museum of Art, Acc. No 55.42.6. Victoria and Albert Museum, Acc. No M70-1921).

Ложки с декорированным черенком появляются в Европе не раньше второй половины XIII в. В это время начинают пользоваться популярностью ложки с украшением в виде жемчуга и ограненного бриллианта. Чуть позже на территории Западной Европы, особенно Англии, распространяются ложки с антропоморфным изображением на конце черенка. Предполагается, что сложнодекорированные ложки использовались для соли (Gilchrist, 2012. P. 125).

Некоторые западноевропейские исследователи считают, что ложки с антропоморфными изображениями могли зачастую служить свадебным подарком. Подобные ложки в европейской научной литературе принято называть «maidenhead», имея в виду Деву Марию, и хотя обычно на них представлены женская фигура, бюст или голова, но часто встречаются и мужские образы (Gilchrist, 2012. P. 125). Две ложки XV в. с изображением женских фигур в рогатых головных уборах находятся в коллекции Лондонского музея (Gilchrist, 2012. P. 126). В музее Метрополитен

хранится английская ложка второй половины XV в., ручка которой выполнена в виде поясного изображения женщины (Metropolitan Museum of Art, Acc. No 55.42.9).

Самыми близкими аналогиями находке с Неревского раскопа являются два предмета, найденные при раскопках в Лондоне (Egan, 2010. P. 248) (рис. 1, 12, 13). Оба фрагмента ложек полностью аналогичны новгородской находке, один представляет собой квадратный в сечении стержень, украшенный насечками, конец его венчает фигура мужчины, одетого по европейской моде XIV в.: приталенная куртка-котта с плиссированными полами и капюшон-шаперон. У второго фрагмента черенок обломан (Egan, 2010. P. 382). Там же была найдена еще одна ложка, черенок которой плохо сохранился, но ясно видно, что на нем изображена женская фигура. Все они датируются XIV в.

В связи с вышесказанным принятая ранее датировка ложки с Неревского раскопа кажется сомнительной. Металлические ложки с антропоморфным завершением черенка были широко распространены на средневековом Западе в XIII–XV вв., но большинство из них и морфологически, и стилистически отличаются от данного экземпляра. Черенок ложки с Неревского раскопа ближе всего соотносится с фигурным черенком из Лондона, что позволяет нам выделить пример узкокального импорта, попавшего на Русь, вероятно, через третьи руки.

Копоушки (2 экз.). Среди косметических аксессуаров, найденных в Новгороде, два можно с уверенностью отнести к западноевропейским: это две копоушки. Первая, длиной около 10 см, найдена на Нутном раскопе в слое первой четверти XV в. и представляет собой металлический витой стержень, увенчанный миниатюрной лопаточкой-копоушкой (рис. 1, 14). Другой конец, плоский и заостренный, видимо, исполнял функцию зубочистки или инструмента для ухода за ногтями. Три точно таких же инструмента были найдены при раскопках

в Лондоне, где датируются XIV–XV вв. (*Egan, Pritchard, 2002. P. 378–379*) (рис. 1, 15, 16).

Вторая копоушка является случайной находкой и представляет собой литую пластину длиной 5 см с изображением двух рук, скрепленных рукопожатием. Символика сомкнутых рук восходит к римскому периоду и повсеместно встречается на территории средневекового Запада в оформлении, прежде всего, колец и фибул.

Подобные копоушки уникальны не только для Новгорода, но и для территории Древней Руси в целом. На сегодняшний день аналогов копоушкам такой формы на территории Восточной Европы не выявлено.

Фрагменты кожаных предметов. Из кожаных предметов западноевропейского происхождения, используемых в быту, в Новгороде известны «кожаные футляры в виде коробочек», атрибуция которых принадлежит Т. С. Варфоломеевой (*Варфоломеева, 1995*). Она выделила всего шесть таких коробочек, включая одну с Готского раскопа.

Еще один интересный фрагмент кожаного вместелища, возможно, футляра, найден на Троицком раскопе в слое XIV в. (рис. 1, 20). Он представляет собой квадрат размером 5 × 6 см. Все четыре края имеют следы шва. Поверхность детали представляет поле, разделенное на четыре сегмента крестом Святого Андрея. В верхнем большом сегменте изображена фигура бегущего зайца, в нижнем — предположительно фигура собаки, в двух других — растительные побеги. Возможно, этот фрагмент является частью коробочки, состоящей из двух деталей, сшитых между собой по трем сторонам, шов на верхней стороне мог остаться от декоративного ранта. Образ зайца в европейской традиции очень популярен и символичен. Корни этого образа уходят в античность, где заяц являлся спутником Афродиты, а значит, и был символом чувственной любви. В средние века связь с культом Афродиты была переосмыслена христианской религией в другом ключе. Заяц стал символом плодородия

и возрождения, а значит, и вечной жизни. Так в народной культуре заяц стал возвещать Пасху. Подобная коробочка с изображением бегущих зайцев и собак известна в Голландии (*Goubitz, 2007. P. 106*) (рис. 1, 21). Бегущие зайцы также изображены на костяной пластинке с Никитинского раскопа, о которой речь пойдет далее.

Еще один кожаный предмет, найденный в слое XIV в., сшит из двух кожаных элементов подтреугольной формы, длиной 8 см, шириной 5 см, на обеих деталях нанесен одинаковый орнамент методом тиснения с помощью матрицы, 90 % поверхности занимает надпись готическим шрифтом на латыни MAN, что, скорее всего, означает manus — рука (рис. 1, 22, 23). Надпись находится в двойной рамке. Два похожих по форме и конструкции предмета были найдены при археологических работах в замке Вильно, они также датируются XIV в. (рис. 1, 24). Западноевропейское происхождение новгородской находки не подлежит сомнению, но функциональное назначение пока остается неясным.

Накладка реликвария. Из слоя XIV в. Никитинского раскопа происходит прямоугольная литая из медного сплава выгнутая в профиль пластина с тремя латинскими заглавными буквами IHS, что означает Иисус Христос Спаситель (рис. 1, 17). Пространство между буквами заполнено эмалью. Аналогичная пластина известна в Англии, где определяется как часть домашнего реликвария лиможской работы и датируется XIII в. (*Mills, 2003. No 287*). Еще одна похожая накладка найдена в округе Сомерсет в Великобритании, она отлита в форме параллелограмма, буквы IHS заполнены красной эмалью, видны следы позолоты, датируется она также XIII в. (Rights Holder: Somerset County Council No ID SOM-60B8BE) (рис. 1, 18). В музее Метрополитен хранится реликварий из Лиможа 1235–1245 гг., где такая пластина является частью накладки в виде распятия Иисуса Христа (Metropolitan Museum, Acc. No 1 974.228.1).

Жители усадеб Никитинского раскопа, на котором была найдена пластина, были людьми зажиточными, об этом свидетельствует большое количество импортных предметов, берестяные грамоты, упоминающие имена посадников и бояр, однако предмет, связанный с латинской религиозной практикой, вызывает вопросы. Возможно, реликварий, частью которого могла быть данная пластина, являлся дипломатическим даром немецких купцов или послов кому-то из жителей усадьбы, приближенному к представителям городской власти. Тема проникновения предметов культа из католической среды в православную и обратно является чрезвычайно дискуссионной.

Фрагмент костяной накладки. Фрагмент накладки из кости с изображением зайца и фантастической птицы найден на Никитинском раскопе в слое XIII в. (рис. 1, 19). Существа располагаются в квадрифолийных медальонах, пространство между ними прорезано сетчатым орнаментом. Этот прием призван сделать изображение более объемным. Определить, для чего служила эта накладка, сейчас довольно затруднительно. В крупнейших музейных собраниях мира есть костяные изделия с подобным сюжетом. Так, изображения зайцев и птиц встречаются на предметах из Италии. В музее Метрополитен хранится шкатулка XII в., крышка которой украшена чередующимися круглыми медальонами с изображением птиц и зайцев (Metropolitan Museum, Acc. No 42.150.37). В коллекции Музея Виктории и Альберта есть рог-реликварий, украшенный костяными пластинами с чередующимися изображениями зайцев, птиц, антилоп и различных зверей (Victoria and Albert Museum, Acc No 7953-1862). В описи собора Св. Павла в Лондоне, составленной в 1245 г., упоминается подобный рог, «украшенный изображениями диких зверей и птиц».

Все найденные в Новгороде западноевропейские бытовые предметы датируются XII–XIV вв., что соответствует датировкам аналогичных предметов, найденных

на территории Западной Европы. Почти все находки собраны на богатых боярских или купеческих усадьбах, что позволяет предположить, что подобные вещи были доступны далеко не каждому новгородцу. Также на Славенском и Дубошином раскопах наличие западноевропейских предметов может объясняться тем, что там могли временно проживать ганзейские купцы.

Весь цветной металл в качестве сырья импортировался в Новгород из Западной Европы; возможно, часть описанных выше предметов представляет собой лом, предназначенный для дальнейшей переплавки.

Вопрос о роли, которую играли импортные предметы в повседневной жизни новгородцев, требует дальнейшего исследования. Если присутствие на боярских усадьбах предметов элитарного характера, заморских редкостей, таких как резная костяная пластина с куртуазным сюжетом, не вызывает вопросов, то целесообразность использования, например, бондарных чаш неочевидна. То же можно сказать и о копоушках, ведь аналогичные и зачастую более красивые вещи производились и новгородскими мастерами, это же утверждение будет справедливым относительно деревянных цер и кожаных изделий. Предположительно, присутствие на новгородских усадьбах рядовых европейских предметов может быть связано с проживанием там иностранцев, например, молодых купцов, изучавших русский язык или просто снимавших жилье (*Сквейрс, Фердинанд, 2002. С. 59–63*). Некоторое удивление вызывает и присутствие элементов католической культуры, что ставит важный вопрос об осознанности конфессиональных различий средневековыми новгородцами. Так или иначе, широкий ассортимент европейских предметов быта, часть из которых, несомненно, принадлежала самим новгородцам, свидетельствует о требовательности и взыскательности жителей древнего Новгорода, чей жизненный уклад требовал самых разнообразных вещей, привозимых издалека.

- Варфоломеева*, 1995 — *Варфоломеева Т. С.* Кожаные футляры в виде коробочек // НиНЗ ИА. Великий Новгород, 1995. Вып. 9. С. 192–202.
- Даркевич*, 1965 — *Даркевич В. П.* О серебряной ложке из Новгорода // СА. М., 1965. Вып. 3. С. 245–249.
- Даркевич*, 1966 — *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (XI–XIV вв.). М.: Наука, 1966. 147 с.
- Крюгер, Рыбина*, 2013 — *Крюгер И., Рыбина Е. А.* Средневековые стеклянные зеркала. М.: Аргмак-Медиа, 2013. 248 с.
- Кудрявцев*, 2012 — *Кудрявцев А. А.* Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // РА. 2012. № 4. С. 119–124.
- Нессельштраус*, 1964 — *Нессельштраус Ц. Г.* Искусство в Средние века. Очерки истории и теории изобразительных искусств. М.; Л.: Изобразительное искусство, 1964. 388 с.
- Рыбина*, 2009 — *Рыбина Е. А.* Новгород и Ганза. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 320 с.
- Седова*, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.: Наука, 1981. 195 с.
- Сквайрс, Фердинанд*, 2002 — *Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н.* Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М.: Индик, 2002. 368 с.
- Egan*, 2010 — *Egan G.* The Medieval household: Daily living c. 1150 — c. 1450. London: The Stationery office, 2010. 342 p.
- Egan, Pritchard*, 2002 — *Egan G., Pritchard F.* Medieval finds from excavation in London. Dress accessories, 1150–1450. London: Boydell press in association with Museum of London, 2002. 410 p.
- Gilchrist*, 2012 — *Gilchrist R.* Medieval Life: Archaeology and the Life Course. Woodbridge: Boydell press, 2012. 336 p.
- Goubitz*, 2007 — *Goubitz O.* Purses in Pieces. Archaeological finds of late medieval and 16th-century leatherpurses, pouches, bags and cases in the Netherlands. Zwolle: SPA-Uitgevers, 2007. 118 p.
- Mills*, 2003 — *Mills N.* Medieval artifacts. Catalogue and price guide. № 287. Essex: Greenlight Publishing, 2003. 116 p.
- Rybina*, 1990 — *Rybina E. A.* Западноевропейские рукояти ножей из раскопок в Новгороде // Ex Oriente lux. Melanges offerts en hommage an professeur Jean Blankoff a l'occasion de ses soixant ans. Vol. 1: Histoire, archeologie, histoire de l'art, numismatique. Bruxelles, 1990. P. 303–308.
- Willemsen, Ernst*, 2012 — *Willemsen A., Ernst M.* Hunders of... Medieval Chic in metal. Decorative mounts on belts and purses from the low Countries, 1300–1600. Zwolle: SPA-Uitgevers, 2012. 152 p.

West European domestic objects from excavations in Novgorod

D. S. Serezhnikova

Domestic items from Medieval Novgorod have been a subject of research for a long time. Archaeologists have recognized in 1950–2000 some imported West European goods among the various artefacts excavated during that period. The objective of the current paper is to attribute previously unidentified domestic items of western origin, as well as to correct some attributions proposed in the past.

All the items of everyday use are divided here into several groups. Firstly, the article is dedicated to the group of lighting equipment. A number of previously unidentified pieces of sheet brass are acknowledged as parts of lanterns of which close analogues are found in medieval London deposits. This group also contains parts of 13th–14th century candle holders possibly manufactured in Germany or Netherlands. The second group includes parts of aquamarine figurines and table vessels. There are two peculiar handles adorned with figures of hunting dogs and handles in the form of dragons. Such details are typical of vessels traditionally attributed as products of West German and Low-Countries'

artisans. Their parallels are represented in the collection of the Metropolitan Museum. This group also contains the stem of a pewter spoon of the 14th century. Previously it was misinterpreted as a pagan idol but an almost identical spoon is known from from museum of London collection.

A group of leather cases contains several etuis with an embossed floral ornament and a triangular piece of leather bearing an embossed Latin inscription. The exact purpose of the latter object is so far unknown. There are also two pieces presumably attributed as parts of reliquary cases; one is an enamelled brass plate with an inscription HIS and another is a bone plate depicting a hare and mythical birds. The latter item is attributable as part of a reliquary case similar to that from the Victoria and Albert Museum, London. It is possible however that this object was of a secular character and may be compared with the ivory box from the Metropolitan Museum.

Most of the imported domestic items are dated to contexts of the 13th–14th century and demonstrate a peculiar correspondence to synchronous assemblages from West European towns; however, it is not always clear what role did they play in the local cultural context. Probably some items arrived to Novgorod within batches of scrap metal intended for recycling, however some of these items, such as ivory and leather goods, undoubtedly belonged to some members of aristocracy or wealthy merchants since they were found in the areas of prosperous households. Meanwhile, the findings of cheap, basic objects, e.g. wooden bowls, are puzzling; they can be explained by the presence of German tenants and this version is supported by written sources.